

Екатерина Бурмистрова
Ксения Кнорре Дмитриева

Образовательный невроз?

Как выбрать школу
и не сойти с ума

рекомендует

LETIDOR

LETIDOR.RU

Екатерина Бурмистрова

**Образовательный невроз? Как
выбрать школу и не сойти с ума**

«Никея»

2021

УДК 159.9
ББК 88.37

Бурмистрова Е. А.

Образовательный невроз? Как выбрать школу и не сойти с ума /
Е. А. Бурмистрова — «Никея», 2021

ISBN 978-5-907307-35-3

Выбор начальной школы стал стрессом для всей семьи? Неудивительно, ведь вам предстоит принять важное жизненное решение. Но погоня за престижным образованием, стремление вырастить гения или реализовать собственные амбиции зачастую мешают родителям разглядеть потребности и возможности самого ребенка. Более того, не существует идеальной школы для всех: дети «медленные» и «быстрые», «речевые» и «опережающие» — и к каждому нужен свой подход. Известный семейный психолог, мама одиннадцати детей Екатерина Бурмистрова и журналист, мама троих детей Ксения Кнорре Дмитриева написали эту книгу в помощь родителям будущих первоклассников.

УДК 159.9

ББК 88.37

ISBN 978-5-907307-35-3

© Бурмистрова Е. А., 2021

© Никея, 2021

Содержание

Предисловие	6
Глава 1	7
Образовательный невроз – что это такое	7
Причины образовательного невроза	8
Вывод: родительская тревога заглушила интуицию	16
Глава 2	18
«Речевые» дети	19
«Медленные» дети	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

**Екатерина Бурмистрова,
Ксения Кнорре Дмитриева
Образовательный невроз? Как
выбрать школу и не сойти с ума**

© ООО ТД «Никея», 2021

© Бурмистрова Е. А., Дмитриева К. А., 2021

Предисловие

Екатерина Бурмистрова, психолог, мама одиннадцати детей:

В нашей культуре сегодня переход от дошкольного детства к школьному – это потенциальный источник стресса для всей семьи: выбор школы и подготовка к ней стали гораздо сложнее, чем раньше, и обычно современным родителям в это время нужна поддержка.

Любой переход из одного состояния в другое может происходить легко и с минимальными затратами сил и энергии, а может вымотать до изнеможения, сопровождаться сложным адаптационным периодом или вообще привести не туда, куда хотелось. На переходных стадиях нужна информация, которая поможет сориентироваться в новых обстоятельствах, и очень полезен опыт других людей. Поэтому мы вместе с журналистом Ксенией Кнорре Дмитриевой написали эту книгу в помощь родителям, которым предстоит выбор школы для ребенка.

Рассмотрение существующих вариантов, чужая практика, интересные мысли на эту тему могут сыграть очень хорошую профилактическую и образовательную роль. Я всегда за то, чтобы родители были менее тревожными и более спокойными – тогда их ресурсы мобилизуются на решение проблем. Я не считаю, что опыт надо получать, исключительно набивая собственные шишки, – можно воспользоваться чужими знаниями и сэкономить свои силы, время и нервы.

Эта книга может углубить представление читателя о своеобразии дошкольного периода и начала школьной жизни и помочь лучше понять собственного ребенка. Есть очень много хорошей, качественной литературы о детях, но, как правило, довольно общего содержания. Там приводится много информации обо всем, но не очень понятно, что делать в конкретных ситуациях. У нас другая задача: это точечный снайперский выстрел по проблемам и сомнениям родителей в переходный момент жизни их ребенка, их семьи, ответ на конкретный запрос. Это локальный путеводитель. Если вы едете в конкретную страну, вы не будете изучать информацию обо всех странах одновременно, а прочитаете именно о той, куда вы собрались, – о ее быте, нравах, культуре, о том, на что в ней надо обратить внимание. Так и эта книга: она не о детстве и даже не о школьном периоде, а о конкретном небольшом, но очень важном отрезке жизни вашей семьи, когда вам предстоит сделать определенные выборы и перейти на новый жизненный этап.

Мы предлагаем с помощью этой книги проанализировать возможности вашей семьи, вашего ребенка, поразмышлять над тем, что для него лучше и что хуже. Очень важно посмотреть, какой у вас ребенок, потому что не всё и не всем подходит. Но проблема в том, что вы делаете выбор не для себя – вы делаете выбор того будущего, которое, возможно, не увидите целиком. Выбор школы – это действительно долгосрочный выбор, но если об этом усиленно думать, это может стать фактором невроза. А за неврозом родителей часто не разглядеть потребности самого ребенка.

Поэтому первая задача при выборе школы – поработать с собственным неврозом, понять его структуру, степень и историю и по возможности отключить, а вторая – это понять ребенка, его предрасположенность и ваши возможности.

Глава 1

Образовательный невроз

Образовательный невроз – что это такое

В этой книге используется медицинский термин – «невроз» – в переносном смысле. Здесь это, конечно, не клиническое понятие. Мы имеем в виду комплекс мыслей, состояний, эмоций, переживаний, некомфортных для человека, которые возникают без спроса, как правило, из-за высокого уровня напряжения и тревоги, когда человек не хочет об этом думать, но все равно думает, пытается переключить внимание – и не может. То есть в данном случае это скорее метафора, но она очень близка к клиническому описанию невроза, потому что человек очень часто находится как бы в плену мыслей про школу, про социализацию, про возможное неблагоприятное будущее его ребенка. Поскольку это некомфортно и нерегулируемо, это признаки невроза.

Этот «невроз» мы называем образовательным, потому что образование – это тема, связанная с областью гипермотивированности, сверхзначимости. Оно становится для людей сверхценной идеей, на которую накручивается очень многое, и от этого тоже некомфортно. Пример проявления такого невроза – когда двойка по контрольной в третьем классе переживается как катастрофа, когда непоступление в хорошую школу воспринимается как конец света и закрытая дорога в успешное будущее – хотя это только начало пути, малая часть процесса учебы. И погруженность в эти мысли у тех, кто вошел в состояние образовательного невроза, – на уровне навязчивых состояний. Возникает диспропорция: теме школьной учебы уделяется столько времени и внимания, что другие важные для семьи вещи – например, связанные со здоровьем – отходят на второй план. И нередки случаи, когда люди, заиклившись на образовании старшего ребенка, вообще упускают младшего или в погоне за элитным образованием теряют ощущение значимости отношений взрослых в семье...

Причины образовательного невроза

Ситуация сложного выбора

В современной родительской жизни тема выбора школы возникает гораздо раньше, чем сам выбор. Из простой и понятной темы школьное образование стало темой сложной и многофакторной, и в результате для большинства участников обучение в школе перестало быть естественным процессом.

Это произошло в первую очередь потому, что появились варианты. Когда образование было бесплатным и единообразным, не предполагающим ни особой включенности родителей, ни вариантов выбора, люди и не переживали, и неврозов по поводу качества образования было намного меньше. В советском детстве были понятные и выстроенные образовательные траектории: детский сад – школа – институт – научно-исследовательский институт; или детский сад – школа – ПТУ – завод; или детский сад – школа – художественное училище – творческая профессия. Я не говорю, что это было хорошо, но выстроенность этих социальных маршрутов и понятное количество социальных лифтов, связанных с образованием, делали отношение к ситуации более спокойным. И хотя всегда были люди, стремившиеся вырваться из коридора, казалось бы, написанного им на роду, такие случаи были единичны. Сейчас же большинство хочет не в тот коридор, который проще, ближе, естественнее, а в тот, который лучше, с их точки зрения, для ребенка.

В обществе возникло ощущение нестабильности

Вторая причина, по которой тема образования вообще и выбора школы в частности вызывает невроз в больших городах, связана с повышением ценности ребенка. Уровень жизни общества стал другим. Да, и сейчас многие живут на грани бедности и за ней, но в целом уровень обеспеченности стал более высоким, особенно в больших городах. А внимание общества к системе образования растет пропорционально росту уровня жизни. *Когда уровень жизни стабильно высокий или стабильно низкий, человек может планировать свою жизнь, в том числе и в сфере образования. Это придает ему уверенность. Нестабильность в обществе вызывает тревожность.* И в этой нестабильной середине мы с вами сейчас и находимся. Сегодня мало кто может себе позволить купить хорошую квартиру и вообще жить, как он хочет, не тревожась об уровне жизни, но при этом мы можем одеваться на свой вкус, совершать покупки среднего размера и делать что-то для образования детей. Мы не можем обеспечить гарантированное будущее, но можем дать максимум возможностей, чтобы ребенок сделал это сам. Из-за того, что при всех наших усилиях гарантий все равно нет, и возникает образовательный невроз.

Многие понимают, что результат усилий может отличаться от ожидаемого

Мне кажется, что непростога выбора – наше национальное явление, почти такое же, как пельмени или балалайка. Выбор нас дезориентирует, мы начинаем набирать в корзину всё, как в супермаркете. Из-за высокой степени нервозности в обществе, из-за того что у нас размыты перспективы дальнего будущего, мы отчаянно пытаемся не промахнуться, выбирая то, что будет длиться одиннадцать лет и потом еще плюс пять – институт. А после института у нас вообще открывается поле страхов и неопределенности. Кто в России может

спокойно думать про будущее, которое наступит через 10–15 лет? Попытки делать такие прогнозы чреваты жутким стрессом. И предсказать, чем аукнутся наши усилия в отдаленном будущем, во взрослой жизни ребенка, когда он уже будет самостоятельно принимать решения, тоже невозможно.

В одной интеллигентной верующей семье было двое сыновей. Старший – очень способный, и ему выбирали лучшие возможности для образования. Он окончил школу с золотой медалью, и семья продала часть жилья, чтобы дать ему возможность учиться в Америке – ужались, напряглись, но отправили ребенка за границу. Денег на регулярные поездки к нему не было, мальчик тяжело привыкал, но все верили, что так правильно, так надо.

Он учился, приезжал редко, родители не приезжали никогда. Мальчик пережил жесточайший кризис адаптации, выучился, нашел там же работу и вдруг... женился на китайке и перешел в буддизм. Это было совершенно естественно для той ситуации социализации, в которой он находился шесть лет. В Америке смешанные браки – обычное явление, никто даже не понял бы, в чем драма, но для родителей мальчика это стало реальной трагедией. Их ребенок сменил религию, культуру – все то, что называется «культурным кодом». И когда встал вопрос об образовании младшего сына, они поняли, что, отправив его за границу, они останутся как бы без детей – по крайней мере, без понятных им, близких по духу детей.

Просчитать со стопроцентной вероятностью результат, казалось бы, направленных на лучшее действий, к сожалению, невозможно. И когда вы начинаете этим серьезно заниматься, надо понимать, что этот выбор лучшей доли в образовании в значительном количестве случаев – действительно билет на выезд. До половины сильных детей в старшей школе хотят уехать. Они не видят своего будущего в России.

Я предлагаю задуматься: цели и задачи, которые кажутся естественно возникающими, – действительно ли это ваши цели? Вполне вероятно, что эти установки – сверхценность образования, необходимость знания языков – могут диктоваться целями, которые к вам никакого отношения не имеют.

Процесс получения образования перестал быть естественным

Сегодня в каждого ребенка так много вкладывают с самого начала, что все это стало совсем не естественным процессом. Естественно – это когда ребенок, которого до школы не учат в специальном заведении, перед первым классом идет в школу, до которой он может дойти сам своими ногами, и проходит вступительные испытания без подготовки; его развитие перед школой не стимулируется, и во многих местах это по-прежнему так: ребенка просто из сада автоматически зачисляют в ближайшую школу, родители в этом практически не участвуют, и достижения ребенка – это работа его и школьного коллектива.

Сегодня же мы имеем дело с тем, что в образовании произошло сильное расслоение, в разных школах очень разный уровень подготовки, и дополнительная неестественность ситуации в том, что развитие ребенка стимулируется не по его запросу, без учета его психологических, неврологических особенностей, особенностей восприятия, усидчивости и так далее. Кроме того, неестественность еще в том, что слишком часто нереализованные амбиции взрослых проецируются на ребенка. «Я не защитил диссертацию – значит, мой сын обязан это сделать», «Я не говорю по-английски – пусть мои дочери учат язык с трех лет», «Я всю жизнь хотел играть в футбол, не получилось, так пусть мой сын играет, даже если у него рахит и ему хочется проектировать роботов». В XIX веке количество детей на семью в целом было больше, чем сейчас. Сегодня, когда количество детей на одного взрослого меньше, значимость каждого из них выше. Мы живем в этой ситуации не первое поколение, поэтому она нам привычна, но надо понимать, что она не стандартна. В результате ребенок растет под лупой избыточного

внимания взрослых, и семья в него вкладывает все, что может, полезного, в объемах или максимальных, или избыточных.

Еще один момент, связанный с неестественностью: сегодня в моде теория привязанности¹ и очень большое внимание уделяется тому, чтобы ребенку было комфортно. Поэтому образование из традиционного для нашей культуры формата, связанного с немецкой системой с ее муштрой, насилием, дисциплиной и подчинением, сейчас часто трансформируется в максимально игровой, подстраивается под ребенка, и в результате происходит, с одной стороны, перенасыщение информацией, а с другой – не тренируется воля, и в этом тоже мало естественного. Взрослые играют с ребенком на уровне ребенка, в том числе и в процессе обучения.

Если говорить о том, как это выглядело в нашей стране раньше, то в XIX веке высшее образование получали от общего числа единицы – или очень одаренные и замотивированные, или дети из богатых семей, а у большинства оно заканчивалось четырьмя классами церковно-приходской школы. Сегодня почти каждый ребенок протаскивается через всю многоступенчатую систему обучения независимо от того, есть у него способности или нет. Сегодня в принципе другое отношение к этому, и если ребенок не получил образование по высшему разряду, считается, что он неуспешен.

Кроме того, сегодняшняя школа считает, что родители должны быть вовлечены в учебный процесс. Это тоже не вполне естественная для родителей ситуация. Но чтобы не играть по этим правилам, нужно плыть против течения, и тебя еще будут пинать в спину и порицать: «Как, ты не учишься вместе с ребенком!»

Из всего сказанного выше вытекает тот факт, что к развитию ребенка стали по-другому относиться. Оно больше не рассматривается как процесс, который идет сам по себе. Если раньше ребенок просто рос и развивался, то теперь он стал родительским инвестиционным проектом, в который все время надо делать какие-то внешние вливания: впечатления, образовательные мероприятия, кружки, события... Теперь предполагается, что без этого ребенок не будет расти. Лично я убеждена, что ребенок – это не сосуд, который нужно наполнить, а факел, который нужно возжечь. Но для современных родителей он скорее сосуд, и они стремятся наполнить его самыми разными способами.

Есть такое определение – «стимулированное развитие». Это понятие предполагает постоянную работу над развитием, чтобы оно было достаточно хорошим. Если раньше можно было привести в школу нечитающего и непишущего ребенка, то сейчас просто так его в первый класс не отдашь. Теперь, отправляя ребенка в школу, вы уже должны предъявить результат своих достижений – привести его читающим, считающим и частично обученным тому, что будут проходить в первом классе. Поэтому выбор школы начинается с выбора подготовки. А бывает, что и на подготовку просто так не придешь. А где-то попадание в тот или иной сад определяет, в какую школу вы пойдете, поэтому невроз начинается гораздо раньше, чем начинается школа.

Ушла простота и понимание того, что ребенок сам естественным образом подрастет, разовьется и к семи годам будет готов к обучению. Везде нужна как бы гидропоника – искусственное подпитывание процесса. И выращивание этих искусственных плодов – очень энергозатратный процесс, требующий неустанного наблюдения и стимулирования родителями с поддержанием определенного количества света, тепла, влаги. По сложности это примерно как выращивание тепличных зимних овощей, потому что только у 20% детей дошкольного возраста есть познавательный интерес к интеллектуальным задачам, а у других нормальных детей в возрасте до семи лет интеллектуальные процессы идут совершенно по-другому, и их интеле-

¹ *Теория привязанности* – психологическая модель долгосрочных и краткосрочных межличностных отношений, разработанная английским психоаналитиком Джоном Боулби. Согласно его модели, привязанность ребенка к «значимому взрослому» (матери) помогает ему адаптироваться в мире и дает ощущение безопасности. Теорию Боулби развил Гордон Ньюфелд, который разработал шесть уровней привязанности, сделав теорию применимой к людям всех возрастов, и понятие «поляризация привязанности».

ресуют другие вещи, в первую очередь игра. Просто у 20% детей – опережающее развитие, а 80% живут на своей стадии интеллекта – которая, кстати, очень важна:

в дошкольном периоде развития интеллекта ведущая деятельность – игра, а ведущий процесс нервно-психической деятельности – воображение, которое является предтечей интеллекта. *Это нормально, что ребенок до школы играет! Но мы рано выдергиваем детей из этой стадии. Они не хотят учиться, чтобы готовиться к школе, не хотят делать интеллектуальные задания, потому что это не соответствует их возрасту.*

Вкус продукта, выращенного в теплице, другой, чем у продукта, выросшего на грядке, – вы же легко отличите наш зимний помидор от грунтового азербайджанского? То же самое и с детьми: выращенный искусственным способом интеллект совершенно другой. Это становится видно к четвертому классу, но первые признаки можно заметить и раньше. Дети со стимулированным развитием, если не продолжать их подстегивать, выходят на естественный уровень и сравниваются со сверстниками или даже начинают отставать от тех, кто рос сам, без дополнительной стимуляции.

Мне очень близок термин «гипервитаминоз» – когда дают так много витаминов, что их концентрация становится опасной. У нас та же история с интеллектуальным развитием в дошкольном возрасте.

Появилась теория раннего развития, добавившая родителям переживаний

Идея раннего развития появилась в 1960-е годы в Америке. За прошедшие десятилетия на Западе она уже отгремела, и сейчас там идет логичный откат, но мы переняли ее с запозданием. Там идея раннего развития была воспринята, использована, были оценены ее разные результаты, к ней выработали разное отношение – а у нас интерес общества к ней возник только в 90-е, и мы пока не успели выработать к ней определенное отношение.

Идеи раннего развития основываются на том, что у мозга ребенка есть определенные способности, и их можно развивать до того, как они разовьются сами. Самый дикий вариант их реализации – это программы внутриутробного обучения, когда на беременный живот ставятся динамики и ребенок что-то слушает (потом открыли вредность этого действия и побочные эффекты, но на Западе этим долго баловались). Конечно, раннее развитие – это бизнес, он сейчас процветает в нише дошкольного образования.

Родителей еще подстегивает теория о том, что есть способности, которые можно развивать только до определенного возраста, а потом уже нельзя, поздно. Да, в некоторых областях это верно – известно, что начинать заниматься музыкой, балетом и профессиональным спортом нужно как можно раньше, – но в отношении других способностей наука это не подтверждает.

Родители проецируют на детей свои желания и способности

Прибавим к уже перечисленным факторам образовательного невроза нереализованные амбиции взрослых, которые тоже требуют выхода. У нас есть знакомый массажист, который долго занимался с нашими детьми. Он рассказывал об одной семье, в которой ему пришлось работать: «Там была маленькая девочка. У нее бабушка – балерина Большого театра, и мама, которую пытались сделать балериной и которая весит 120 килограмм. Девочке было девять месяцев. Первый просмотр в балет Большого театра планировался в год. И вот мама и бабушка хотели, чтобы я делал девочке массаж под нагрузкой, вытягивая конечности. А девочка пухленькая, „молочный“ ребеночек с напряженными ножками. Я, конечно, отказался».

Это смещение образовательной проекции – у нас самих возможности не было, но для ребенка мы сделали все: переехали в Москву, убиваемся на работе, чтобы дать ему самое луч-

шее. А бывает, что родители более или менее свободны от невроза, но их накручивают старшие родственники, и особенно часто это происходит, если рождения ребенка очень ждали старшие родственники.

Появилась конкуренция

С одной стороны, есть слои общества, где образование считалось ценностью и при советской власти, – грубо говоря, это так называемая советская интеллигенция. В новых условиях она не подходит под определение среднего класса, потому что в основной своей массе обеднела, однако при этом сохранила стремление дать детям хорошее образование. С другой стороны, той же целью задалась малообразованные люди с высоким достатком – и это совершенно новая история, которая носит практически компенсаторный характер. Они больше склонны отправлять детей куда-нибудь в Англию, потому что при поиске качественных школ и университетов пользуются внешними критериями. Но в результате таким образом смешиваются идущая из Советского Союза традиция определенных слоев дать детям «хорошее образование» и запрос от «новых богатых». На этой почве возникает изменение общей ситуации, когда из спокойного и бесплатного образование становится платным, дифференцированным и нервным – возникает беспокойство по поводу того, чтобы не упустить возможности, выиграть конкурентную борьбу с другими детьми за «правильное» место.

У некоторых возник страх, что ребенок будет испорчен школой

Мы говорили про тех, кто невротизирован выбором лучшей доли, но есть еще родители, у которых другой невроз.

Образование – это не только интеллектуальный процесс. Это и отношения со сверстниками и учителями, и культурный, этический аспект. Есть родители, которые при выборе школы придают значение не столько качеству обучения, сколько качеству среды, в которую попадет ребенок. Это, например, семьи, принадлежащие к некоей субкультуре: православные, еврейские и другие с любым этническим или религиозным компонентом; приверженцы вальдорфской педагогики²; любители фольклора... Для этих родителей важно, чтобы ребенку в школе прививали ценности, совпадающие с ценностями семьи. Больше всего они беспокоятся о том, как бы школа не испортила ребенка. Ими движет идея, что взгляды семьи – самые правильные, а вокруг мир, который лежит во зле, от которого надо беречься и сохранять ребенка в соответствующих условиях. В этой ситуации прежде всего важна атмосфера, окружение; не образовательный, а, так сказать, идеологический или даже духовный аспект. Люди не ставят перед собой задачу отправить ребенка учиться в Оксфорд, а стремятся привить ему собственное мировоззрение.

В этом, как и в предыдущем случае, ребенок лишается возможности как-то повлиять на выбор. Его способности и возможности не имеют значения.

² Вальдорфская педагогика возникла в 1919 году, изначально базировалась на религиозно-мистическом учении Рудольфа Штайнера. В вальдорфских школах ребенку предоставляется возможность развиваться в комфортном для него темпе. Дети на уроках не заучивают информацию, а сами исследуют явления, и результат их работы – самостоятельно сделанные учебники. Умственная деятельность чередуется с физической активностью. Детям не ставят отметки и не заставляют их конкурировать друг с другом – успехи и неудачи каждого ребенка сравниваются только с его собственными достижениями.

Стали позже рожать

Вырос возраст, когда рожают детей. Браки в 18–20 лет, рождение первенца в 22–24 становятся редким явлением. Возраст первых родов в последние семь-десять лет стал шквально расти. Сегодня в основном рожают люди, которые долго создавали для этого финансовые, эмоциональные, моральные условия. Поздний ребенок порой тяжело достается и становится действительно драгоценностью, причем не бриллиантом, а хрупким механизмом, который, с точки зрения родителей, постоянно требует точной настройки, доводки, наладки.

Когда родители тридцати пяти, а может, и сорока – сорока пяти лет задумываются о том, куда отдать учиться своего единственного или одного из двух детей, у них обычно уже есть представление о том, что такое хорошее и плохое образование, и есть какие-то цели. И в этом случае почти невозможно избежать невротических тенденций. Надо быть очень мудрым и взрослым человеком, чтобы обойтись без этого.

Помню, как меня поразило, когда однажды рядом на остановке стоял мужчина и разговаривал по телефону: «Ну как ребенок? А что делал ребенок? Как успехи у ребенка?» – и это «ребенок» произносилось с большой буквы. Потом выяснилось, что «ребенок» то ли в последнем классе школы, то ли уже в институте. И это «ребенок» звучало так, как будто это президент, премьер-министр, патриарх.

Когда этой «царственной особе» выбирают нечто, что, возможно, определит его дальнейшую жизнь, родители испытывают невероятный груз ответственности. Редко кто из мам и пап понимает, что они выбирают не для себя. Это особенное поле невроза – когда ребенок воспринимается как «нарциссическое расширение», продолжение себя, очень любимое, которое должно быть лучше тебя. Ты свои шансы использовал, но недоволен результатом, потому что кризис среднего возраста – а тут свежий, чистый шанс. И родитель надеется взять реванш.

Образование ребенка стало полем самореализации мамы

Сегодня очень часто мама после рождения ребенка оставляет основную работу и либо надолго, либо навсегда остается дома. И тогда образование ребенка – единственное пространство для ее самореализации. Современные мамы – это часто женщины, которые ушли с хороших позиций на работе и уже чего-то достигли. Они перенаправили свою энергию на ребенка. И это добавляет невротизма.

Вообще, женщины часто неосознанно выдавливают мужчин из сферы родительства, начиная с периода беременности. Так было более или менее всегда, но сейчас из-за того, что вырос возраст рождения, повысился уровень жизни, появилось больше возможностей, женщина посвящает себя семье и хочет господствовать, сама того не осознавая и вытесняя мужчину за пределы влияния на многие вопросы, в том числе на вопрос выбора образования.

Изменилась мотивация, система образования постоянно меняется

Нервозность в вопросах образования, конечно, связана и с тем, что происходит внутри самой системы. Современная система образования вынуждена давить на все имеющиеся педали, потому что многие существенные образовательные факторы советской эпохи утеряны. Например, раньше никто не скрывал того факта, что образование – это насилие, и поэтому мощной образовательной мотивацией было: «Ты должен учиться». – «Почему должен?» – «Потому что должен!» Эта педаль больше вообще не работает или работает плохо. Теперь вроде бы можно давить на интерес к занятиям, на яркую личность и авторитет педагога, но эта

педаль с очень небольшим уровнем хода, потому что суперпедагогов, которые могут интересно проводить каждый урок, очень мало (и это нормально).

Остаются две последние педали. Первая: образование – это трамплин к сияющему будущему, к институту и престижной работе. Это, конечно, чистой воды миф, потому что в институте все оказывается совершенно не так блестяще и радужно, как мечталось, и, главное, выясняется, что нет однозначной связи между хорошим образованием и прекрасной работой, какая преподносится внутри этой системы как само собой разумеющееся. На эту педаль всегда жмут до упора. Вторая педаль – соревновательность. Образование, долгое время являвшее собой монолитную структуру, стремится само внутри себя дифференцироваться. Благодаря этому в системе появляется возможность конкурировать с другими учениками за переход на тот или иной уровень. В советское время спецшколы составляли некий процент от числа обычных школ, были также коррекционные школы, и на этом все их многообразие заканчивалось. Сегодня в больших городах школ с разными подходами, разными учебными программами и философией – многие десятки, но и в небольших городах появились частные, церковные школы. Дошкольных систем еще больше.

По сути, сегодня работают только эти две педали – мотивация будущим, которое непонятно, и дифференциация, качество которой, естественно, тоже вызывает вопросы: мы уже прекрасно понимаем, что если на товаре написано «люкс», это совершенно не означает, что он действительно высокого качества.

Получается, что школьное образование сегодня – это сложная игра, в которой, с одной стороны, участвуют родители с разным опытом, разными интересами и представлениями о том, что такое хорошо и что такое плохо. А с другой – сама система, которая имеет свою внутреннюю логику и в которой происходят свои процессы. Все это создает сложное поле, над которым висит облако родительской нервозности, стремление поставить на нужную лошадь, выиграть и не ошибиться. И чем больше у родителей возможностей, тем шире выбор, и при этом совершенно не очевидно, что выбор будет адекватным, полезным ребенку и семье и что на выходе получится что-то хорошее.

В нашей стране непрерывно все реформируется, начиная с бордюров и заканчивая банками и положением армии в обществе. Все меняется, и образование тоже. И я совершенно не уверена, что эти изменения логически выстроены, ведут к какой-то цели, и не сомневаюсь, что исполнитель сменится в процессе исполнения заказа несколько раз, так же как и сам заказ будет меняться. Конечно, это тоже создает огромный уровень невротизации.

К тому же система постоянно меняет способ попадания в школу: то надо где-то стоять полночи в очереди, то записываться на сайте, то одни дома прикреплены к школе, то другие, под одним номером не одна школа, а двадцать... То есть если ты хочешь лучшего, то должен постоянно отслеживать, что происходит, и преодолевать систему, которая тебя куда-то определяет по своему вкусу, явно не интересуясь твоими пожеланиями. У многих это вызывает ступор.

Учеба стала постоянной гонкой за лидером

Образовательная невротичность – это постсоветский феномен, и далеко не все современные страны живут в этом состоянии. Например, в той части Европы, которая не была под советским влиянием, выстроена система ранней включенности ребенка в образовательный процесс: ясли, сад, «дошколка», школа. Все внешне и внутренне достаточно устойчиво, хотя, может быть, и не очень качественно с нашей точки зрения. То, что связано с выбором, в Европе всегда очень дорого и относится к конкретному сегменту населения. А все остальное обучение представляет собой надежную структуру, и каждому родителю известно, что ребенок в девять месяцев или полтора года пойдет в ясли, и там будут милые воспитатели и какая-то программа,

потом он пойдет в школу. Он движется по понятному пути, и взрослые в основном не то чтобы довольны, но не спорят. Я не говорю, что там рай земной, а у нас ужас или наоборот, но сегодня у нас люди, родившие ребенка, вообще ни в чем не уверены, и прежде всего они не уверены в том, что этот ребенок кому-то, кроме них, нужен.

Кстати, как правило, «наши» люди, которые отсюда уехали за границу, недовольны системой школьного и дошкольного образования на Западе. Она им кажется не просто упрощенной, а такой, которая делает из детей недоразвитых. Они обычно не понимают, что современные образовательные модели в европейских странах и в Америке нацелены вообще на другое: их задача – не обидеть людей с низким интеллектуальным уровнем, а не как у нас – тянуть как можно выше всех остальных. Западные системы образования стремятся дать почувствовать людям всех способностей, что они нормальные, что с ними все хорошо, чтобы они не тревожились. Это противоположно задачам нашей системы – поставить учеников в ситуацию гонки за лидером, где успехи лучших будут подчеркиваться, равно как и неудачи отстающих. В этой соревновательности еще одна серьезная причина невроза.

Знакомая семья москвичей, закончивших Физтех, переехала в Германию с тремя детьми, и мама очень удивлялась, как там мало специальных инструментов для выявления талантов и лидеров. Их почти нет – очень мало кружков, никаких специальных групп «для продвинутых», нет олимпиад для лучших, нет ничего, и никто этим особо не занимается. Но при этом уровень науки там довольно высокий – ведь откуда-то берутся люди, которые двигают западную науку? Они ведь откуда-то появляются, несмотря на такой расслабленный, казалось бы, подход. А у нас хорошее школьное образование сознательно или несознательно многими воспринимается как шанс стартовать туда, на Запад.

Вывод: родительская тревога заглушила интуицию

В результате всего перечисленного выше сегодня у родителей очень высокий уровень тревоги. Во-первых, у них есть ощущение, что надо сразу обеспечить ребенку лучшее, с самого начала вывести на определенную ступень, дать все шансы, поэтому они тревожны изначально. Во-вторых, сейчас идет глобальный процесс перестройки системы профессий – исчезает одно, появляется другое, и это добавляет страхов. Многие из нас работают в профессиях, которые наши родители, скорее всего, и представить себе не могли, а старые профессии изменились. Например, моя мама, которая была очень против того, чтобы я пошла на психфак, в принципе не представляла себе все те сферы приложения этой профессии, которые есть сегодня. И мы не можем себе вообразить, как изменится мир к тому моменту, когда ребенок окончит вуз. Страх, что мы с ребенком не успеем за технологическим прогрессом, тоже добавляет невроза.

Поскольку будущее туманно, перспективы непонятны, многие начинают с колыбели учить детей иностранному языку, математике и всем мыслимым дисциплинам, стараясь «прикрыться» со всех сторон. И мне в целом кажется, у нас сильнее работают общеполитические страхи, общая национальная тревога.

Страхи, вызванные всеми этим факторами, мешают родителю мыслить здраво. *Дошкольники и первоклассники у нас перегружены не только потому, что мама не работает и есть лишние деньги, но и потому, что родители не слышат своего ребенка – его заглушает голос их собственной внутренней тревоги.*

За всеми усилиями взрослых стоит любовь к ребенку и беспокойство за него – целый ком глубоких и сильных чувств, с которым люди часто впервые сталкиваются, когда их дети идут в школу. Обычно именно в это время стартует игнорирование потребностей и желаний ребенка. И в результате, например, малыша с логопедическими трудностями или дефицитом внимания тащат в школу, где нужно высидеть несколько уроков, и совершенно не видят, что ему там будет неинтересно, тяжело, скучно, что он вообще все это не любит, а любит наблюдать за бабочками и ему гораздо лучше было бы в вальдорфской школе. Но тревога не дает нам это услышать. Никто из детей не может сказать в 5–7 лет: «Мама, отдай меня в такую-то школу, мне будет там хорошо. Не слушай свои страхи». У ребенка для самостоятельного выбора нет ни опыта, ни знаний, ни зрелости. Вся ответственность лежит на родителях и часто лишает их трезвости, о которой мы говорим.

Собственно, основная мысль этой книги – смотрите на ребенка и слушайте свою интуицию. Но это легко сказать. В ряде случаев с интуицией нет контакта, и люди не чувствуют свои решения – они копят мнения разных специалистов и хотят взять все.

Примеров в моей практике, к сожалению, много.

Одна мама водила дочку на три подготовки к школе одновременно, плюс у ребенка был репетитор на дому. На самом деле мама хотела попасть в одну школу, но поскольку там шансы были невысоки, они параллельно готовились к поступлению еще в две. А как же иначе? Разумеется, за всем этим стояла огромная мамина тревога, и она даже отчасти это понимала, но не могла с ней справиться – для этого понадобилась помощь специалиста.

Обычно люди не анализируют причины того, что их ребенок перегружен. Страх – явление иррациональное, поэтому сегодня выбор школы и образовательной модели для ребенка тоже во многом иррационален.

По всем этим причинам выбор школы часто делается родителями невротически, без учета своих ресурсов, без осознанности, без трезвой оценки своих сил. *Но исходить из своих реальных возможностей сейчас не модно – модно встать на уши и вывернуться наизнанку.*

Очень важно не поддаваться общему неврозу, слышать себя и ребенка. Выбор школы и первый класс – это настолько стрессообразующая ситуация, что по статистике в семьях именно на семилетие ребенка приходится второй пик разводов. Люди сталкиваются с требованиями системы образования и из-за этой нагрузки ломаются как пара. Представьте: ребенок криво пишет палочки, мама рыдает, папа всего этого видеть не может – в результате их и без того непростые отношения окончательно рушатся. Или просто растет уровень нагрузки: нужно встать в 6:30 или в 5:45, чтобы доехать из-за города в прекрасную гимназию, куда ребенка насильно запихнули, а потом его забрать, а потом отвезти на кружок и так далее. Все перенапрягается, и отношения на этом фоне тоже не улучшаются.

Семейные психологи считают: когда ребенок приходит в школу, семья как бы предъявляет обществу результат своих достижений. Взаимодействие со школьной системой начинается еще в саду, но в школе общество в ее лице начинает семью оценивать. Никто не скажет родителям: «У вас замечательный ребенок, и мы с ним будем вместе жить и работать». Наоборот, к ребенку предъявляются требования, претензии, выстраиваются какие-то свои отношения, возникает фигура учителя, которая действительно очень важна в начальной школе, и ребенок из милого, хорошего Ванечки или Надечки, которые просто играют и радуют родителей, превращается в повышенную концентрацию всяческих энергий. Появляются домашние задания, в которые сразу включается вся семья. Для многих они оказываются чуть ли не главной историей их текущей жизни. Родителям через отметки транслируют, что их ребенок какой-то не такой и что с ним надо что-то делать, и виноваты в этом, естественно, они сами. Родителей ставят в положение людей, которые кому-то что-то должны, кому-то чем-то обязаны, кому-то что-то недодали. Они, как школьники, садятся за парту. Получается, что не ребенок идет в школу – вся семья идет в школу. Ребенок попадает в группу по английскому, и выясняется, что у всех «правильных» родителей дети уже несколько лет занимаются английским. И хотите вы этого или нет, но вы сразу оказываетесь в отстающих вместе со своим ребенком, который, естественно, переживает, потому что учительница ориентируется на других детей и идет вперед. *Не делая ничего, просто плывя по течению, вы становитесь «плохим» родителем. Достаточно ли у вас зрелости, выдержки, уверенности в себе, чтобы понять нелепость ситуации? Ведь в действительности эта навешенная извне оценка совершенно произвольна и не имеет отношения ни к вам, ни к ребенку, не говорит ни о чем, не оценивает объективно ни вашу квалификацию как родителя, ни способности ребенка.*

Меняется режим жизни семьи. Теперь нужно ежедневно куда-то приезжать к определенному времени, привозить и забирать ребенка. А если ребенок не хочет ходить в школу, это будет не только выстраивание новых обязанностей – довести до школы и забрать оттуда – это может стать кирпичом, который перевесит вообще всю систему. Вам надо утром поднять ребенка с кровати, покормить, собрать, вытащить из дома... Возможно, у него это уже было в период подготовки к школе, но теперь появляется обязательность, дополнительное ребро жесткости.

Школа – это очень важное изменение в жизни. Вместо прежней ситуации, когда люди просто живут и в какой-то момент Ванечка идет в школу по соседству, теперь вся семья целиком втягивается в этот процесс. Часто в нем участвуют старшие родственники, дяди-тети, то есть вся большая семья садится за парту.

Прибавим к этому тот факт, что обычно в семье ребенок один, у родителей еще нет опыта, но уже нет права на ошибку.

И образование ребенка становится пространством особого внимания, легко переходящего в невроз.

Глава 2

Разные дети

Все дети разные, и сочетание их особенностей с обстоятельствами жизни необходимо учитывать при выборе школы – ее стиля, уровня нагрузки, удаленности от дома. В этой главе мы хотим поговорить о детях с речевыми нарушениями, «медленных» и «быстрых» детях, об одаренных и, наоборот, о тех, кто идет с отставанием в развитии.

Когда речь идет о детях с особенностями, крайне важно не сравнивать их с обычными и уж тем более с опережающими. А это часто происходит, особенно в семьях, где первый ребенок был как раз таким опережающим, а второй – обычный или даже отстающий.

Второе, что стоит понять: обычная массовая школа – это джунгли, где выживает тот, кто может выжить. И это, с одной стороны, хорошо, потому что готовит ребенка к дальнейшей жизни. Но выживать в джунглях способны не все, а школа вообще не ставит перед собой задачи создать комфортные условия для всех. Поэтому хорошо чувствуют себя в школе, нормально адаптируются и без особых сложностей двигаются по программе примерно 20–25% детей. А какому количеству детей в школе реально тяжело, посчитать сложно, потому что сегрегация и, я бы даже сказала, маргинализация детей, по каким-то причинам не вписывающихся в коллектив, начинается очень рано.

Это касается массовых государственных школ. В частных своя специфика. Моя старшая дочь, которая училась в частной школе с первого класса и сейчас работает в частной школе, убеждена, что в такой школе детей учить нельзя, потому что там созданы тепличные условия, никак не связанные с реальной жизнью. Ученики частных школ живут параллельно остальному социуму. Дочь это знает не понаслышке. Поступив в университет, она сказала: «Мама, я даже не знала, что такие люди, как те, которые теперь учатся со мной, бывают в природе». Этот фактор стоит учитывать, если вы думаете о том, чтобы не идти в массовую школу из-за особенностей вашего ребенка.

В школах, специально приспособленных под нужды тех или иных особых детей, обычно ученики отдельно учатся, отдельно живут, ездят в свои же лагеря, общаются только со своим кругом. Дети, которые закончили такую школу, часто остаются в ней работать. Образуется замкнутый цикл. Следующее поколение проходит по тому же кругу – у некоторых школ даже есть специальные коттеджные поселки, где живут сотрудники и ученики. Фактически – замкнутое сообщество. Возможно, это способ выживания особых детей и взрослых, но у него есть свои минусы. Принимая решение о «другой» школе для вашего особенного ребенка, учитывайте и эти факторы.

«Речевые» дети

Начнем с тех детей, которые хотя и требуют много внимания, чаще всего, наоборот, выпадают из зоны интереса родителей, – это «речевые» дети, или дети с логопедическими особенностями. В число таких особенностей входят: позднее начало говорения, особенности произношения, темпа речи, построения фраз. Общее недоразвитие речи может быть частью глобальных неврологических нарушений или нарушений психического развития, но может быть и абсолютно отдельным явлением. *Сами по себе особенности речевого развития еще не заболевание, их наличие значит, что у ребенка недостаточно функционируют определенные части мозга.* «Речевые» дети – основная категория дошкольников, которая перед школой требует особой заботы и внимания.

Как понять, что у вас «речевой» ребенок?

Первый, самый ранний симптом: все вокруг уже говорят, а он еще нет. Еще один признак: чтобы выразить себя, ребенок трех-четырёх лет пользуется мимикой и заменителями слов – междометиями, интонацией, жестами. О речевых нарушениях говорит также и то, что он с трудом может объяснить свои желания, затрудняется в коммуникации во время игры с ровесниками и переходит к дракам или, наоборот, уходит от ситуации. Еще такой ребенок обычно отказывается пересказывать свои впечатления, они у него очень краткие. И вообще, если речь ребенка в целом отличается по темпу, ровности и наполненности от того, что вы видите у его сверстников, – это повод задуматься.

Но надо сказать, что речь мальчиков и девочек различается. Девочки в целом более экспрессивны и многословны. Мальчики высказываются сдержаннее и более кратко. Тем не менее и у тех, и у других проблемы с речевым развитием проявляются примерно одинаково. Если у вас есть сомнения относительно своего ребенка, найдите в интернете логопедические тесты и предложите ему их пройти. Там простые задания – построить фразу, составить рассказ по картинке. У ребенка без речевых особенностей это не вызывает затруднений – он легко составит рассказ не из четырех, а из двадцати четырех предложений по картинке, да еще придумает продолжение, а «логопедический» ребенок будет долго стараться, потратит много сил и времени, и вы увидите, что ему действительно сложно.

Дети, которые легко начинают читать сами и без особенной помощи, как правило, не имеют проблем с фонематическим слухом и с восприятием на слух. Но если чтение ребенку тяжело дается в шесть-семь лет, это почти всегда показатель того, что есть особенности логопедического рода. Самое время позвать специалиста и оценить, в чем проблема, а не учить читать со слезами и криками.

Есть дети, которые в полтора года уже говорят, а есть дети, которые в два года мычат, у них три слова в словарном запасе. На это нужно обращать внимание, но у нас тема речевых патологий не популяризована. У нас многие знают про синдром дефицита внимания, который ставят всем подряд – и, в частности, «речевым» детям, хотя это не синдром дефицита внимания, а особенности восприятия на слух, – но мало знают про логопедию.

При этом надо отличать реальную патологию от особенностей звукопроизношения – так называемой звуковки, когда, например, у ребенка западают сонорные звуки – «р» и «л» – или несовершенные шипящие, свистящие. Звуковка есть примерно у 70% детей, и это легко исправляется короткими сериями занятий у логопеда. А есть дети, которым сложно строить фразу, у них проблема со словесным выражением своих впечатлений, они не могут пересказать простой сюжет, у них не тот темп речи, а некоторым вообще сложно говорить, у них будто каша во рту.

«Речевые» дети, как правило, очень поздно попадают в зону внимания специалистов. Ведь как у нас устроена стандартная медицинская помощь? В два и в три года ребенка водят к логопеду и неврологу, и они обычно ничего не находят или ставят подозрение на задержку развития речи, и на этом все заканчивается. После трех лет массовое обследование психолога и логопеда дети не проходят – это не входит в обычный соцпакет. Поэтому логопедические проблемы часто запускают, особенно если это первый ребенок в семье и родители не сверхвнимательны к таким вещам.

К тому же у «речевых» детей часто есть другие компенсирующие особенности – скажем, ребенок отлично собирает пазлы, или очень долго слушает книжки, или замечательно рисует и вообще выглядит очень умным и внимательным, и родители не понимают, что, несмотря на это, у него есть серьезнейший комплекс проблем, которые ему потом помешают учиться. Например, он в четыре года собирает пазл из 120 кусков, и поэтому никто как бы не замечает, что он при этом не может формулировать свои мысли и связно высказываться, не способен построить рассказ из трех-четырех фраз, а поскольку все остальное работает хорошо, это не воспринимают всерьез и говорят: «Он скоро заговорит, скоро разговорится». Или: «У нас в семье все мужчины начинали говорить после трех лет». Да, возможно, что в семье так и было, но тогда в начальной школе не было такой усложненной программы и не было таких барьеров при поступлении. А сейчас «речевой» ребенок, попадая в школу, оказывается в очень невыигрышной ситуации.

Поэтому если в два – два с половиной года не появилась фразовая речь – это повод, чтобы начать занятия с логопедом. И если вы читаете эту книгу поздно и ребенку уже пять или шесть лет и пора поступать на подготовку или выбирать школу, значит, занятия ребенка с логопедом должны быть системными, интенсивными и, возможно, должны проводиться в каком-то специализированном государственном центре. ***Речевые особенности сами по себе либо не проходят совсем, либо проходят очень медленно, мешая ребенку развиваться и создавая для него серьезные помехи в школьном обучении.***

Кроме того, речевые особенности часто не замечаются родителями, потому что в нашем с вами детстве профессий «логопед» и «нейропсихолог» не было. Когда нынешнее и предыдущие поколения родителей шли в школу, эти дети с их непролеченными речевыми патологиями и – как следствие – патологиями внимания становились просто двоечниками. Сейчас ситуация другая, и родителям следует понимать, что от того, как у ребенка стартовала речь, в дальнейшем будет зависеть значительная часть его образовательной траектории. Если речь поздняя, если она с особенностями, если ребенок к трем с половиной годам не говорит легко и свободно на одном языке (в случае с билингвами, скажем, в 3,7–3,8) – это ситуации, которые требуют особого внимания, вложения сил и времени, причем не только родительских, но и профессиональных. Не стоит думать, что если у вас «речевой» ребенок, то вы перед выбором школы сделаете два легких движения и его подготовите – этого не будет. «Речевые» дети требуют либо долговременной и медленной заботы, либо выбора школы, у которой нет определенных критериев готовности. Поэтому, если вы рано не займетесь «речевым» ребенком, у вас будет совершенно другое меню выбора школы.

Почему речевые особенности мешают ребенку учиться?

Особенности речи означают не только то, что он будет медленнее отвечать, но и то, что он будет хуже воспринимать речь на слух, это обычно связанные вещи. Он не в состоянии вычленив в быстрой речи смысловые блоки. И значительная часть невнимательных учеников начальной школы – это дети, которые не были пролечены логопедически. С ними вовремя не позанимались – и они пытались слушать и понимать, но у них не получалось, поэтому они уже и не пытаются. Им нужно прилагать очень большие усилия, чтобы понять, что им говорят. А

кроме того, у таких детей могут начаться проблемы с социальными контактами, потому что они и в общении с ровесниками тоже не могут сформулировать быстро, качественно, адекватно то, что они хотят сказать.

Речевые особенности также очень сильно влияют на процесс освоения письменной речи и на грамотность. Психологи глобально выделяют два типа интеллекта: вербальный и невербальный. Речевые особенности повлияют на весь вербальный интеллект – и на способность воспринимать текст на слух, и на способности анализировать, читать, писать. Обычно у детей, которые сложно начинают читать и имеют особенности фонематического слуха, потом очень плохо с диктантами. И не потому, что ребенок не старается или не учит словарные слова, а потому, что у него при переводе устной речи в письменную возникают трудности. Есть педагогические системы, где это вообще не составляет проблемы – например, вальдорфская педагогика: она просто ждет, когда у ребенка созреет способность восприятия грамматических конструкций и когда он поймет, что правила русского языка влияют на то, что он пишет. Спустя какое-то время он перестает писать как слышит и начинает писать в соответствии с правилами. А обычная школа сразу ставит низкие оценки, и ребенок уже со второго класса оказывается в зоне неуспешности.

Что делать?

Сегодня во многих школах есть логопеды, но я думаю, что действительно «речевому» ребенку они не могут дать тот объем помощи, в котором он нуждается. Если бы логопедов было по три на каждую школу, это было бы возможно, но обычно специалисту не хватает времени на помощь всем «речевым» детям. А если вы идете в школу, где на входе есть фильтры, то «речевого» ребенка в нее, скорее всего, не примут, потому что никто не любит учить детей с особенностями развития. Такие школы их просто не берут – если, конечно, могут.

Способность выражать свои мысли словами пригодится человеку и вне зависимости от школы. С высокой вероятностью такой ребенок не только поздно заговорил и сложно освоил грамотность, но и вообще не читает активно до 15–16 лет. Он не будет читать сам по выбору – только под огромным внешним нажимом. И дело не в том, что родители его как-то не так воспитывают, а в том, что у ребенка речевые трудности, которые он сам преодолеть не может. И напротив – если вы находите специалиста или какой-то центр (конечно, лучше это делать бесплатно – это большие объемы часов работы логопеда), то буквально через три-четыре месяца вы увидите, что ребенок начал связно строить фразу, что он ухватил что-то, что раньше не ухватывал сам, что у него изменился словарный запас, он начал правильно употреблять прилагательные, наречия, предлоги. Это как музыкальный или спортивный навык, его можно выработать. К сожалению, важность такой коррекции часто недооценивают.

«Медленные» дети

Про «медленного» ребенка можно писать отдельную книгу, рассказывая о его особенностях в каждом возрасте и о том, как у него все устроено и что с этим делать. В рамках нашей книги важно знать вот что. У разных взрослых и детей на одни и те же задачи уходит совершенно разное количество времени и сил. Медленность ребенка никак не связана ни с воспитанием, ни с методиками, которые к нему применяются, ни со взглядами родителей, хотя что-то может усугубляться не подходящей ему системой воспитания. Но в целом медленность – это то, что просто дано в условии задачи.

«Медленный» ребенок – какой он?

Обычно «медленных» детей можно отследить уже в младенчестве, но если это первенец и родителям не с кем его сравнивать, они до поры до времени этого не замечают. В год-полтора, когда такой ребенок выходит на детскую площадку, его уже можно отличить от ровесников. А чем старше он становится, тем виднее его отличия по скорости.

У «медленного» ребенка медленное все. Он медленно жует и медленно глотает. Он медленно переводит взгляд. У него могут быть значительные отличия от среднестатистического темпа речи – при этом логопедических трудностей нет. У него речь в принципе беспроблемная, но более медленная, темп произнесения слов другой, паузы больше. Это чисто физиологическая особенность. Если сделать такому ребенку энцефалограмму, будет видна пауза, интервал между стимулом и возникновением реакции. У них как бы запаздывает ответ. Эти дети живут в мире, где все несется с огромной скоростью, и они все время за всеми не успевают.

Медленность не помеха интеллектуальному развитию, если родители сумели ее учитывать с раннего детства. К сожалению, эта особенность очень часто не принимается взрослыми. Им кажется, что можно как-то ребенка ускорить. И он действительно ускоряется с возрастом – чем старше, тем быстрее, но это связано не с усилиями взрослых. Дело в том, что в нервной системе к шести годам заканчивается процесс миелинизации – покрытия миелиновой оболочкой нервных волокон. Эта оболочка – изоляция наших нервов. И как по изолированному проводу ток течет быстрее, чем по неизолированному, так и по миелинизированному волокну сигнал проходит быстрее. Но все равно даже в конце миелинизации «медленные» дети отличаются от остальных. И ускорить физиологический процесс миелинизации нервных волокон по собственному желанию мы не можем, как бы ни старались, ни ругали и ни поощряли.

Что важно знать про «медленного» ребенка?

Что чем больше его торопишь и дергаешь, тем сильнее он замедляется. Это основное ключевое знание о нем, которое нужно усвоить и потом не забывать и при подготовке к школе, и в начальной школе, потому что это не меняется даже у взрослых людей: поторапливание их отбрасывает к стартовой точке. И это особенно сильно проявляется, когда их прерывают. Например, «медленный» ребенок медленно рассказывает вам, что он понял по тому или иному предмету. Вы ему говорите: «Давай быстрее». «Медленного» ребенка это вернет к началу рассказа.

Классический пример того, как это выглядит в школе: «медленный» умный ребенок на вопрос учителя, подумав, отвечает так: «Эту задачу можно решить тремя способами. Первый способ такой-то (и начинает его медленно излагать). Второй способ такой-то...» – «Так, Иванов, давай уже быстрее, говори, что там у тебя дальше». А ребенок в ответ: «Эту задачу можно

решить тремя способами. Первый способ такой-то...» Это не его выбор и не издевательство над взрослым – это его тип реакции на обрыв: «медленные» дети реагируют тем, что они возвращаются к старту и снова идут медленными шагами по ступенькам своего рассуждения.

У «медленного» дошкольника нет двухканального внимания. Это еще одно его важное свойство, о котором надо знать. «Медленные» дети не могут качественно заниматься двумя делами одновременно: не могут слушать и писать, есть и слушать, смотреть и есть. Эти дети абсолютно не многозадачны в принципе. Это часто те редкие дети, которые очень спокойны и могут хорошо играть сами – обычно они довольно интровертированы, у них хорошо развита фантазия, богатый внутренний мир, и уже в три-четыре года они могут занимать себя какими-то собственными мыслями. При высокой мотивации «медленный» ребенок может «ускориться» – например, быстро собраться в кино. При этом он, конечно, окажется в состоянии стресса, но стресс этот будет позитивным, мобилизующим.

Эту ситуацию легко пережить, если родитель тоже «медленный», но такое встречается редко. С «медленными» детьми прекрасно обходятся не самые молодые бабушки, у которых тоже по своим причинам замедленный темп, они уже не пытаются все успеть и спокойно могут подождать. С ними более комфортно.

С «медленными» детьми все хорошо, пока не начинаешь их вписывать в жесткие внешние ритмы. Быстро собраться в сад, быстро выйти из сада, быстро побежать на тестирование – они на это физиологически не способны. А если их поторапливать, накапливаются открытые окна задач, и это делает ситуацию абсолютно стрессовой, ребенок из нее выпадает.

Что делать?

Ближе к шести-семи годам с этим ребенком можно начинать разговаривать про его медленность, про то, что с этим делать, но до этого – только ее учитывать.

В Хельсинки есть музей, где вся мебель в несколько раз больше стандартной. Взрослый человек, заходя туда, оказывается в ситуации ребенка-дошкольника: кресло, на которое нельзя залезть, стол, который почти с тебя ростом, поэтому на нем ничего не видно, диван, на который надо еще постараться забраться, и так далее. Когда там находишься, вспоминаешь себя маленького. Так же и с «медленным» ребенком – хорошо бы понять, каково ему, искусственно создав себе такую ситуацию. Возможно, вы знаете кого-то из взрослых, кто сильно быстрее вас. Возможно, вы оказывались в ситуации, когда количество задач было выше вашей индивидуальной нормы. Чтобы понимать «медленного» ребенка, нужно либо читать воспоминания, либо вспоминать себя, если вы тоже были «медленным», и воссоздавать в себе детские ощущения. Поищите родственника, который похож на вашего «медленного» ребенка, и возьмите у него углубленное интервью. Спросите его, как он чувствовал себя в детстве, сколько времени делал уроки. Попытайтесь соприкоснуться с миром «медленного» ребенка. Это не обязательно должен быть мужчина – есть «медленные» женщины и девочки, такие хрупкие цветочки.

Главная стратегия с «медленным» ребенком и до школы, и в начальной школе – ожидание того, что он созреет.

Чему можно и нужно научить «медленного» ребенка?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.